

Баишева Аграфена Михайловна

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена вопросам жанровой природы исторического романа, обладающего двойственным семантическим содержанием. Показано, что восприятие исторической реальности и ее последующее художественное воплощение можно выразить как реализацию определенного коммуникативного акта, использующего различные повествовательные стратегии. Особое внимание уделяется хромотопическим моделям исторического романа, в рамках которого выделяются действительный исторический, возможный и исторически невозможный хромотопы, рассмотренные с семиотических позиций. Предлагаемая структурно-семиотическая хромотопическая модель позволяет проводить анализ внутри данной жанровой генерации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
2. Печеникова Л. В. Цветобозначения в рекламном дискурсе (на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 23 с.
3. <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-T/T14106.shtml> (дата обращения: 27.03.2014).
4. <http://en.wikipedia.org> (дата обращения: 27.03.2014).
5. <http://flower.onego.ru/kustar/tilia.html> (дата обращения: 27.03.2014).
6. <http://lingvopro.abbyyonline.com> (дата обращения: 27.03.2014).
7. <http://signorina.ru/page,2,1807-modnye-cveta-osen-zima-2013-2014.html> (дата обращения: 27.03.2014).
8. <http://www.wordnik.com> (дата обращения: 27.03.2014).
9. http://zdorov.forblabla.com/blog/45355184066/Modnyie-tsveta-sezona-osen-zima-2013-2014?from=mail&l=bnq_bn&bp_id_click=43564986985&bpid=43564986985 (дата обращения: 27.03.2014).
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
11. Riemer N. Remetonymizing Metaphor: Hypercategories in Semantic Extension // *Cognitive Linguistics*. 2002. Vol. 12. № 4. P. 379-401.

**ON CERTAIN COGNITIVE MODELS DETERMINING CREATION OF NOMINATIONS FOR COLOUR SHADES
(BY THE MATERIAL OF NOMINATIONS FOR FASHIONABLE COLOURS AUTUMN–WINTER 2013–2014)**

Babina Lyudmila Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
ludmila-babina@yandex.ru

The article considers the methods for creation of nominations for colour shades by the material of nominations for fashionable colours autumn-winter 2013-2014. The paper identifies the types of cognitive models according to which the colour terms are formed – metonymical, propositional, metaphonymic cognitive models. The author distinguishes the colour terms the creation of which is realized by a certain cognitive model and colour terms under designing of which several models are implemented.

Key words and phrases: nomination of colour shade; metonymical cognitive model; propositional cognitive model; metaphonymic cognitive model; structural specifics of nominations.

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена вопросам жанровой природы исторического романа, обладающего двойственным семантическим содержанием. Показано, что восприятие исторической реальности и ее последующее художественное воплощение можно выразить как реализацию определенного коммуникативного акта, использующего различные повествовательные стратегии. Особое внимание уделяется хромотопическим моделям исторического романа, в рамках которого выделяются действительный исторический, возможный и исторически невозможный хромотопы, рассмотренные с семиотических позиций. Предлагаемая структурно-семиотическая хромотопическая модель позволяет проводить анализ внутри данной жанровой генерации.

Ключевые слова и фразы: исторический роман; жанр; хромотоп; семиотика; коммуникативный процесс; жанровая генерация.

Баишева Аграфена Михайловна

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
agrafena.m@mail.ru

**ХРОМОТОПИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА
В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ[©]**

Теоретические исследования в сфере жанрологии всегда остаются актуальными, что, с одной стороны, обусловлено существованием разнообразных подходов к системе литературных жанров, а, с другой стороны, опосредовано определенной пластичностью и подвижностью самой природы художественного произведения, которое постоянно находится в процессе изменения, и эти новации проявляются в проницаемости и изменчивости жанровых границ.

Существующее положение осложняется и тем, что категория жанра является центральной в теории литературы; так, по мнению М. М. Бахтина, любое эстетическое целое может существовать только в рамках определенного жанра, вне жанровых границ произведений не существует [2, с. 144]. Определенные трудности для исследователей представляет и дихотомичность самого понятия «жанр» как целого, когда в нем на равных позициях наличествует и традиция определения реально оформившихся и существующих в литературе

разновидностей произведений, таких как роман, поэма, трагедия и т.д., и когда, по словам Н. Д. Тмарченко, это же понятие может соответствовать «логически сконструированной модели, основанной на сравнении конкретных литературных произведений и рассматриваемой в качестве их инварианта» [12, с. 7].

На протяжении всей истории литературы выделение и объединение определенной группы художественных произведений, когда присутствует акцентирование различных общих черт, как тематическое содержание, функциональная составляющая, структурное начало, тоже позволяет говорить о многосложности и многосоставности данной литературной категории. В последнее время в теории литературы, как и в других гуманитарных науках, важное место занимают исследования жанра как словесно-художественного авторского высказывания. В таких работах жанр понимается как реализация определенной коммуникативной стратегии. В отечественном литературоведении подобный ракурс осмысления жанра задан позицией М. М. Бахтина, возводящего диалогизм как неотъемлемый компонент любой коммуникации в онтологический статус [1, с. 336].

Данные теоретические категории становятся актуальными при рассмотрении жанровой природы исторического романа, который обладает двойственным семантическим содержанием. История и литература, как две части социокультурной системы, находят своеобразное преломление в этой романной разновидности, вступая в диалогические отношения между собой.

Художественное слово и история, находясь в лоне гуманитарных наук, объединенных общей антропоцентричной целью и задачей, каждая своим языком, свойственными только им средствами рассказывают о человеке, его отношениях с другими индивидами, с окружающей средой, с самим собой. Вместе с тем, нарративность, присущая этим видам дискурса, которая позволяет позитивистам отказываться истории в научном характере, присущей естественным дисциплинам, Д. Карром признается необходимой, так как и литература, и история исследуют «понимание действий сознательных человеческих агентов» [6, с. 165], что в любом случае предполагает нарративную форму. Ведь художественная словесность и историческая практика являются частями общей семантической модели социальной информации, которая сознательно может организовываться через коллективную прагматическую деятельность.

Поиск прошлого, обращение к «делам давно минувших лет» тоже можно рассматривать как своеобразный диалог между современниками и предшествующими поколениями. Социальная реальность, имеющая выраженный темпоральный характер, имеющая разноуровневую структуру, в которую исследователи включают события, конъюнктуры и исторические макросистемы, тоже представляет собой многослойное явление. Исходя из этих предпосылок, представляется возможным рассмотрение жанровой природы исторического романа в семиотическом плане, когда все исторические события, факты рассматриваются как коммуникативные акты. К применению такого метода нас подвигает и та особенность исторической реальности, что она во многом представляет собой мысленную информационную модель, генерирующую разнообразные культурные коды.

Восприятие художественного произведения можно выразить как реализацию коммуникативного акта между автором, в знаковой форме представляющим свое видение действительности, своего внутреннего мира, эстетического разрешения проблемы, в котором соучаствует и читатель. Отображая разнообразные явления действительности в художественных образах – в условной форме, автор, используя художественные средства выразительности, осуществляет рефлексии своего сознания, а читатель – реципиент – участвует в этом своеобразном диалоге, воспринимая содержательную основу произведения.

Предлагая рассматривать жанровую сущность исторического романа с семиотических позиций, мы отталкиваемся от позиции М. М. Бахтина, считающего хронотоп несущим существенное жанровое значение: «можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3, с. 234]. Как уже было сказано, в социальной реальности темпоральность, исторический хронотоп тоже играют важную роль, таким образом, пространственно-временной континуум в историческом романе предстает как многозначное понятие, обладающее сложной внутренней структурой, внутри которой различные компоненты будут вступать в отношении, образовывать разнообразные связи и, в свою очередь, тоже определенным образом моделировать диалогические связи.

При использовании структурно-семиотического подхода к определению жанровых особенностей хронотопа исторического романа, мы полагаем, более пристальное внимание должно уделяться взаимоотношениям авторского хронотопа и хронотопа читателя, ведь, по мысли В. И. Тюпа, «жанр – взаимная конвенциональность (условленность) общения, объединяющая субъектов и адресатов высказывания в их отношении к предмету речи» [13, с. 17]. При этом мы считаем необходимым отметить тот факт, что именно в жанре исторического романа на первый план может выходить коммуникативная компетенция, предполагающая предварительное знание участниками коммуникации знаковых систем, к которым можно отнести историческое знание. На наш взгляд, исследователи, обращающиеся к проблеме исторического романа, детально не рассматривают эту особенность жанра исторической прозы, по которой и может проходить первоначальная маркировка данной жанровой разновидности [7, с. 92].

Необходимо отметить, что семантическая дихотомичность исторического романа, кумулирующая в себе собственно историческое знание и его последующее художественное преобразование посредством выразительных образных средств, покоится на различии функциональных свойств их собственных знаковых систем. Для истории в большей мере характерна познавательная функция, в этой семиотической системе актуальны прагматические связи, когда на первый план выходит прикладное свойство – передача определенной информации, функция памяти.

Для художественного текста же характерна или более развитой становится эстетическая функциональная возможность. История в большей степени использует фреймовую модель передачи информации, для которой

естественной будет являться более жесткая информационная структура, что позволяет говорить о верификации применительно к историческому нарративу. Этого мы не видим в литературном тексте, который своей самоизбыточностью не претендует на истинность или ложность информации, и данный тип текстовой организации строится по принципу семантических полей, где весьма активна неоднозначность слова.

В литературоведческих исследованиях можно встретить разграничение корпуса исторической литературы на произведения, повествующие о прошлом, и собственно исторический роман. Как, по каким принципам происходит подобное выделение? Думаем, что, скорее всего, интуитивным путем. История, прошлое часто выступают как синонимы, и чтобы избежать путаницы, стоит обратиться к профессиональным исследованиям в области философии истории, которые разграничивают эти смежные понятия. Так, В. Н. Сыров приходит к заключению, «чтобы прошлое стало историей, оно должно перестать быть частью настоящего, дистанцироваться от него и превратиться в самостоятельную целостность. Как правило, происходит это в свете осознания не самого факта хронологической удаленности тех или иных событий, а непредвиденных последствий, порожденных ими» [11, с. 49], или, другими словами, когда возникает возможность взглянуть на исторические события, факты под другим углом зрения.

Схожие теоретические разработки мы можем наблюдать в тезаурусной концепции В. А. Лукова, где ощущение действительности строится по принципу «свое-чужое» [9, с. 15].

Чужой для современников исторический хронотоп актуализируется посредством фреймов, знаков, за которыми лежит историческая эпоха. И предварительное знание исторического кода позволяет маркировать жанровую принадлежность произведения. Такое выделение жанровых хронотопических признаков позволяет исследователям говорить о возникновении литературных жанровых генераций. Уже внутри исторической жанровой генерации мы можем наблюдать динамический процесс появления, развития и некоторого доминирования определенных жанровых модификаций исторического романа и отход уже невостребованных жанров в периферийные области данной генерации.

Художественные произведения, объединенные общим историческим хронотопом, представляют собой своеобразный литературный кластер, представленный многоликой прозой, отличающейся функциональными, методологическими, стилистическими и другими особенностями. И нам кажется наиболее верным, что их жанровая типология должна строиться в соответствии с той хронотопической моделью, которая реализуется на уровне структуры самого произведения. Пространственно-временной континуум произведения проявляется через использование разнообразных коммуникативных жанровых стратегий.

Так, предварительно мы выделим более крупные области жанровых модификаций, в которых реализуются следующие типы внутреннего хронотопа исторических романов. Мы обозначим их как *действительный* исторический хронотоп, то есть тот, который уже устоялся в коллективной памяти и обладает жесткой фреймовой конструкцией; рядом с ним можно выделить исторический *возможный* хронотоп, когда в произведении история может выступать как фон (в эти рамки укладываются романы А. Дюма, беллетристика, исторические романы массовой литературы), и хронотоп исторически *невозможный*, где история может реализоваться как допущение, и сюда мы относим так называемую квазиисторическую прозу, альтернативную историю и т.д.

В предлагаемой нами схеме выделения хронотопических моделей исторического романа мы отталкиваемся от психолингвистической концепции понимания текста, где особую роль в его адекватном восприятии «играет способность человека опираться на схемы знаний о мире (фреймы, сценарии, когнитивные карты и т.д.), позволяющие ориентироваться в ситуации, достраивать ее, судить о правдоподобности или нереальности описываемого в тексте» [4, с. 249].

В свою очередь, среди произведений, обладающих действительным историческим хронотопом, можно констатировать наличие двух моделей жанрового оформления художественного исторического материала. Как нам представляется возможным, разграничение таких текстов можно строить исходя из методологического подхода *познаваемости – непознаваемости* истории, которого придерживается автор. Соответственно, к произведениям, зиждущимся на убеждении художника в познаваемости прошлого и обладающих определенными имплицитными внутритекстовыми связями, можно отнести классический исторический роман и произведения, продолжающие эту литературную традицию – советскую историческую прозу и исторический роман литератур народов России.

Другое ответвление, соответственно, будут представлять многочисленные исторические произведения, художественно преломленные через эстетику постмодернизма, для которой основополагающей является убежденность в приоритете субъективного восприятия мира, социальной (исторической) реальности, так называемой «ризомности» истории. Для исторических романов с наличествующим действительным историческим хронотопом, но в семиотической структуре которого акцентировано постмодернистское понимание истории, обычными являются жанровые стратегии с усиленным ироничным хронотопом, пастишем, игровой реализацией пространственно-временного континуума.

Исходя из предложенной нами хронотопической структурно-семиотической модели исторического романа, становится возможным анализировать произведения, объединенные общим историческим знаком. В нашем случае – это художественные романы, посвященные значительной исторической фигуре монгольского полководца Чингисхана.

При анализе эпических произведений на историческую тематику, на наш взгляд, возникает необходимость выделения в хронотопической модели романного целого *сюжетного* хронотопа и *фабульного*. Так, фабульная канва, или действительный исторический хронотоп романа-трилогии якутского прозаика Н. Лугинова «По велению Чингисхана» [8] и произведения И. Калашникова «Жестокий век» [5] будут совпадать, поскольку они

имеют одну фактографическую основу – «Сокровенное сказание монголов» [10], являющееся историографическим повествованием о родословной и жизни знаменитого монгольского хана, написанное анонимным автором. Поскольку этот исторический документ наиболее полно и последовательно иллюстрирует основные события, происходившие с Тэмуджином, – от его рождения до смерти, то оказывается естественным, что эта хроника является главным фундаментом для художников, берущихся за художественное осмысление той эпохи. Время «Сокровенного сказания монголов» – это время линейное, календарное, следующее строгой исторической логике, рассказывающее о рождении героя, его подвигах, главных жизненных перипетиях и смерти.

Повествование о военных походах и других важных биографических событиях Чингисхана в исследуемых романах совпадает с документальной основой, но типы, способы организации сюжетного хронотопа Н. Лугинова и И. Калашникова различны.

В исторической трилогии якутского прозаика Н. Лугинова (1995) все книги начинаются и заканчиваются легендами и притчами, несущими определенную смысловую нагрузку. В легенде о Бодончоре, прародителе будущего знаменитого воителя, предваряющей все три части исторического произведения, в свернутом виде заложена основная мысль романа – необходимость человеческого единства: семейного, племенного, государственного.

В организации сюжетно-композиционного построения романа «По велению Чингисхана» применяется циклическая схема, внутри которой развивается кумулятивный сюжет, отражающий предзаданный или фреймовый хронотоп. Циклическое обрамление историческому произведению Н. Лугинова придают условные художественные формы – вставные легенды и притчи, которые значительно расширяют хронотопическую структуру романа, выводя собственно исторический сюжет на более глубокий экзистенциальный уровень.

Тяготение к притчевости, широкое использование условных средств выразительности, посредством которых выражается определенная эстетико-идеологическая заостренность произведения, является одним из признаков философской разновидности романной суперпарадигмы. В якутском романе «По велению Чингисхана» это художественное отличие от исторического произведения И. Калашникова «Жестокий век» выражается и на уровне повествовательной структуры, где отмечается более усиленное присутствие авторской точки зрения, что придает оттенок публицистичности.

Структура хронотопа в таких главах, имеющих более явное авторское присутствие, начинает обладать усложненной формой, когда через перцептуальный хронотоп героев (организующий сюжетный пространственно-временной континуум произведения) происходит своеобразное смыкание с хронотопом читателя, воспринимающего события давно ушедших лет как сегодняшние, актуальные и выводящие читателя на осознание глобальности общечеловеческого, т.е. онтологического хронотопа.

Художественной хронотопической модели якутского исторического романа в большей мере присущи черты мифологического построения, его хронотоп нелинеен, особенно в типологическом сравнении с сюжетной организацией времени романа «Жестокий век» И. Калашникова (1978), где сюжетный хронотоп во многом совпадает с фабульным времяпространством.

В историческом романе И. Калашникова реализованы иные жанровые стратегии, когда авторская интенция подводит к иной реализации сюжетно-композиционного хронотопа. Для И. Калашникова важно показать ту историческую действительность, тот окружающий мир, в столкновении с которым главный герой должен прийти к некоторому логическому художественному завершению. Автор предлагает свой индивидуальный взгляд на исторические события далеких лет, свою трактовку причин возвышения и доминирования империи Чингисхана.

Роман «Жестокий век» показывает Чингисхана не готовым «от рождения» жестоким правителем, а живым человеком, которому были доступны обычные человеческие устремления. Жестокие условия выживания сильнейшего во времена степных междоусобиц ломают этические устои честолюбивого юноши Тэмуджина, формируют в нем нравственные установки беспощадного правителя. Главенствующую роль в этом произведении несет мотивный комплекс страха, которым одержим сперва ребенок Тэмуджин, рано оставшийся без поддержки отца и подверженный гонениям со стороны ближайших родственников, и впоследствии, с укреплением личного могущества жестокого хана, этот страх не уходит, он просто приобретает иной смысл.

Внутрироманный хронотопический комплекс исторической книги «Жестокий век» организован с учетом жанровых стратегий романов воспитания и романов испытания, характеризующихся преобладанием линейного, биографического пространственно-временного континуума.

Таким образом, детальное рассмотрение хронотопического комплекса исторического романа в структурно-семиотическом аспекте, выявление взаимосвязей на различных уровнях его структуры позволяют найти те точки отсчета, которые могут помочь в определении жанровой природы исторического романа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении // Бахтин под маской. Маска вторая. М.: Лабиринт, 1993. 207 с.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 382 с.
5. Калашников И. Жестокий век. М.: Современник, 1991. 734 с.
6. Карр Д. История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. 2011. № 1. С. 160-180.
7. Кормилов С. Теоретические аспекты художественного историзма // Проблема историзма в русской советской литературе (60-80-е годы). М.: Наука, 1986. 263 с.
8. Лугинов Н. По велению Чингисхана. М.: Советский писатель, 2001. 608 с.
9. Луков В. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Академия, 2003. 512 с.

10. **Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г.** Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.
11. **Сыров В. Н.** К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39-52.
12. **Тамарченко Н. Д.** Введение в общую теорию жанров // Теория литературных жанров. М.: Академия, 2012. 256 с.
13. **Тюпа В. И.** Эволюция литературных жанров (направления и тенденции) // Теория литературных жанров. М.: Академия, 2012. 256 с.

CHRONOTOPE MODEL OF HISTORICAL NOVEL IN SEMIOTIC ASPECT

Baisheva Agrafena Mikhailovna

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
agrafena.m@mail.ru*

The article is devoted to the issues of the genre nature of historical novel having dual semantic content. It is shown that the perception of historical reality and its further artistic embodiment can be expressed as the realization of a certain communicative act using different narration strategies. Special attention is paid to the chronotope models of historical novel, within which limits real historical, possible and historically impossible chronotopes considered from semiotic positions are singled out. The suggested structural-semiotic chronotope model allows conducting analysis within this genre generation.

Key words and phrases: historical novel; genre; chronotope; semiotics; communicative process; genre generation.

УДК 811:112.2

Филологические науки

В статье предлагается систематизация речевых тактик уступительного дискурса. Рассматриваются речевые тактики уступка за уступку, односторонняя уступка-согласие, уступка-смягчение несогласия, частичная уступка, уговаривание и принуждение к уступке. Речевые тактики в уступительном дискурсе определяются автором как рациональные, потому что они предполагают рационально действующего субъекта, принимающего разумные, оптимальные решения.

Ключевые слова и фразы: уступительный; дискурс; уступка; речевая тактика; коммуникация; адресат; адресант.

Берзина Галина Петровна, к. филол. н., доцент

*Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И. К. Яковлева МВД России
bgp55@mail.ru*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК УСТУПИТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА[©]

Конец двадцатого – начало двадцать первого столетия в лингвистике отмечены провозглашением в качестве основополагающего положение о том, что изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации. К исследованию различных типов речевых актов обращались ученые-лингвисты, анализирующие речь в контексте жизни и деятельности человека: Ш. Балли, Э. Бенвенист, Л. Витгенштейн, В. фон Гумбольдт, Г. П. Грайс, Дж. Остин, Дж. Серль и многие другие.

Исследования в области происхождения и функционирования речевых стратегий и тактик начались в рамках теории речевых актов. Модель коммуникативного процесса находит непосредственное отражение в дискурсе, знаке, репрезентирующем общение на поверхностном, языковом уровне [1; 7; 11]. Термин дискурс используется нами непосредственно в лингвистическом значении и определяется как лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей типизированные ситуации социального взаимодействия, участников социального взаимодействия, социальные нормы, культурологические представления и формы.

С целью фокусировки внимания на дискурсивной (собственно коммуникативной) составляющей речевой деятельности мы выделяем уступительный дискурс, который представлен как совокупность коммуникативно-речевой деятельности и актуальной коммуникативно-мыслительной деятельности, связанной с решением актуальных для конкретного события задач речевого взаимодействия, достижения коммуникативных целей.

Когнитивная модель *obwohl / хотя P, Q* в рамках коммуникативного акта рассматривается нами как конструкция, отражающая динамику соотношения компонентов когнитивной структуры процесса речевой деятельности в уступительном дискурсе. В процессе речевой деятельности когнитивная модель актуализируется не сама по себе, а как часть концептуальной системы индивида.

Речевая тактика рассматривается нами как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, которая является более мелким масштабом рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Речевая стратегия с позиции когнитивного подхода – это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, включающий в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов.